

Литература

1. Болотнова Н.С. О теории регулятивности художественного текста // *Stylistika: Stylistika slowianska. Slavic Stylistiks*. Вып. VII. 1998. Opole, 1998.
2. Литературный энциклопедический словарь / Под. общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. М., 1987.
3. Болотнова Н.С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня. Томск, 1992.
4. Сыпченко С.В. Компаративные тропы как регулятивное средство в поэтических текстах Н. Гумилева // Болотнова Н.С., Бабенко И.И., Васильева А.А., Карпенко С.М., Орлова О.В., Сыпченко С.В., Тюрина Р.Я. Коммуникативная стилистика художественного текста: Лексическая структура и идиостиль / Под ред. проф. Н.С. Болотновой. Томск, 2001.
5. Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1984–1988.
6. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. 1. От стимула к реакции: Ок. 7000 / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова и др. М., 2002.
7. Бидерманн Г. Энциклопедия символов: Пер. с нем. / Общ. ред. и предисловие Свенцицкой И.С. М., 1996.

УДК 801.6

А.В. Курьянович

АНАЛИЗ ПРАГМАТИКИ ОККАЗИОНАЛЬНЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ЭПИСТОЛЯРНЫХ ТЕКСТАХ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ В АСПЕКТЕ ЧИТАТЕЛЬСКОГО ВОСПРИЯТИЯ

Томский государственный педагогический университет

Данная статья посвящена анализу типологических и прагматических особенностей окказиональных лексических единиц в письмах М.И. Цветаевой с точки зрения их восприятия по показаниям языкового сознания «среднего» носителя языка (Ю.Н. Караулов).

Рассмотрение данной проблемы видится чрезвычайно интересным и перспективным как в плане изучения особенностей идиостиля автора, так и для выявления жанрово-стилевой оригинальности эпистолярных текстов в целом. Весьма эффективно в этом отношении использование методики анализа текста и отдельных его единиц с опорой на читательское восприятие посредством проведения эксперимента.

Проблемы речевой прагматики уже рассматривались в лингвистике (см. работы Н.Д. Арутюновой, Э.С. Азнауровой, Б.А. Абрамова, Н.С. Болотновой, Г.В. Колшанского, Ю.С. Степанова, Т.А. Трипольской, Н.И. Формановской, Л.А. Черняховской, а также материалы из сборников научных трудов «Коммуникативные аспекты слова в текстах разной жанрово-стилевой ориентации» (Томск, 1995) и «Коммуникативные аспекты слова в художественном тексте» (Томск, 2000)).

В коммуникативной стилистике прагматичность текста определяется в деятельностном аспекте как «способность вызывать коммуникативный эффект, отражающий интенцию автора, его коммуникативную стратегию и концептуальную картину мира» [1, с. 36]. Основной формой репрезентации прагматического уровня в текстах разных типов, языковыми

сигналами эффекта воздействия выступают лексические средства. В этом плане лексические единицы, организующие познавательную деятельность читателя, характеризуются как текстовые лексические регулятивы (см. работы Н.С. Болотновой, И.И. Бабенко, А.А. Васильевой, С.М. Карпенко, Н.Г. Петровой, И.Н. Тюковой, Р.Я. Тюриной).

Исследование прагматических свойств текста в первую очередь связывается с фактором читательского восприятия. Одним из способов исследования текстовой прагматики в данном аспекте является обращение к показаниям носителей языкового сознания (см. исследования О.И. Блиновой, Н.С. Болотновой, Т.М. Дридзе, А.Е. Ивановой, Е.В. Ивановой, О.Л. Каменской, А.Н. Ростовской и др.).

Понятие *языковое сознание* активно разрабатывается в современной лингвистике, антропоцентрический характер которой выдвинул в качестве ключевой для исследователей проблему языковой личности (см. труды Г.И. Богина, Ю.Н. Караулова и др.). Так, О.И. Блинова, анализируя вопросы теории мотивации слов, говорит о показаниях языкового сознания как важнейшем источнике исследований: «Лексикологические явления должны изучаться с учетом показаний языкового сознания» [2, с. 122]. Об этом же свидетельствует А.Н. Ростова в своей работе «Показания языкового сознания носителей диалекта как источник лексикологического исследования», отмечая, что языковое сознание выступает главным признаком языковой личности, реализующимся в ее речевом поведении [3].

А.Е. Иванова исследует типы языкового сознания («вопросы личностной языковой типологии»). По мнению ученого, они определяются уровнем языковой компетенции испытуемых, то есть их языковыми навыками и умениями. Исследователем было экспериментально подтверждено существование семиотических групп – «групп людей с относительно общим тезаурусом и определенным комплексом речевых умений» [4, с. 127]. Т.М. Дридзе также акцентирует роль тезауруса как одного из способов представления языкового сознания личности: «Языковое сознание реципиента может быть описано через его тезаурус и представлено в виде фильтра, через который пропускается всякая поступающая к нему информация» [5, с. 201].

Таким образом, восприятие текста читателем – процесс многоаспектный и разнонаправленный, обусловленный уровнем информационного тезауруса реципиентов, особенностями их концептуальной картины мира и рядом других специфических характеристик.

В целях исследования прагматических свойств окказионального слова в эпистолярных текстах М.И. Цветаевой в качестве информантов для участия в пилотажном эксперименте нами были привлечены 30 студентов-филологов 5 курса Томского государственного педагогического университета. Выбор реципиентов обусловлен достаточно высоким уровнем их общей подготовленности, эрудированности и речевой компетенции, необходимых для адекватного восприятия непростых в стилистическом отношении писем М. Цветаевой.

Авторские новообразования как «невоспроизводимые, одноразовые единицы, рождающиеся и функционирующие только в одном контексте» [6, с. 110] чрезвычайно важны в репрезентации глубинного смысла текста, отражении языковой и концептуальной картины мира художника слова. Выполняя в первую очередь образно-конкретизирующую функцию, эти средства участвуют в формировании различных эстетических смыслов в тексте. Велика роль окказионализмов в лексической структуре поэтических текстов М. Цветаевой (см. работы И.И. Бабенко, Л.В. Зубовой, Р.Я. Тюриной и др.). «Активное индивидуально-авторское словообразование является одной из самых ярких примет стиля Цветаевой» [7, с. 52].

Основой отношения М. Цветаевой к слову выступает умелое использование его коммуникативного потенциала, который во многом определяется соотношением узуальных свойств слова и их индивидуально-авторской интерпретации. Последнее проявляется на уровне текста в разнообразных структурно-семантических модификациях слова, в результате чего возникают окказионализмы определенных типов. Письма М. Цветаевой в полной мере демонстрируют широкие возможности эпистолярного окказио-

нального слова, умелое использование которых характерно в целом для идиосистемы поэта.

Задачами эксперимента являлись: 1) обнаружение информантами окказиональных лексических единиц в предложенных текстах; 2) выявление степени трудности их восприятия; 3) анализ окказионализмов в плане соотношения со стилистическим узусом и определение их типа (то есть установление характерных для идиостиля Цветаевой форм структурно-семантической модификации слов); 4) определение реципиентами актуального смысла выделенных окказиональных единиц; 5) исследование прагматичности индивидуально-авторских средств на основании методики шкалирования.

Для исследования информантам было предложено 7 контекстов, выбор которых определялся присутствием окказионализмов, возникших на основе структурно-семантических модификаций разного типа, наиболее характерных, на наш взгляд, для идиостиля М. Цветаевой.

Заметим, что окказионализмы чрезвычайно сложны для восприятия в силу своего отсутствия в узусе и лексиконе реципиентов, однако в ходе эксперимента информантами были отмечены все случаи индивидуально-авторского словоупотребления. Всего в результате эксперимента было получено 175 вариантов интерпретации информантами окказиональных единиц в эпистолярных текстах М. Цветаевой. Ошибочные варианты в ответах составляют порядка 1.5 %, а общее число случаев необнаружения анализируемых единиц составляет 19 %. В представленной ниже таблице, демонстрирующей результаты эксперимента, приводятся окказиональные текстовые единицы, отмеченные информантами в рамках соответствующих минимальных контекстов.

Как показали результаты исследования, окказионализмы, встречающиеся в письмах М. Цветаевой, достаточно свободно воспринимаются информантами и не создают особых трудностей, связанных с декодированием текста. С точки же зрения факторов, препятствующих гармонизации общения, введение этих неузуальных элементов в эпистолярный текст затрудняет постижение авторских интенций.

«Помогают» информантам выделить и истолковать значение этих слов общность информационного тезауруса, знание языкового кода, а также контекст. Окказиональное слово М. Цветаевой оформляется в полном соответствии с законами грамматики и особенностями словоупотребления. Русский язык «оказался вполне готов» (Л.В. Зубова) к экспериментам поэта в области слово- и формотворчества. Отметим, что форма лексемы в идиосистеме Цветаевой приобретает статус больший, чем просто «упаковочный материал» для определенного кванта смысла. «Выход за пределы узуальности

№ п/п	Контекст	Окказиональная единица	Общее количество случаев невыделения единицы	Тип окказионализма	Коэффициент прагматичности	Место на условной шкале прагматичности
1.	«...еврейская прикроть (люблю это слово!)» [8, т. 6, с. 252]	Прикроть	–	По узуальным структурным моделям	4.2	1
2.	«Не удивляйтесь гигантскости шага к Вам: у меня нет другого» [8, т. 7, с. 573]	Гигантскость	–		4.1	2
3.	«Вы спрашиваете об Асе. Вкратце: человек она замечательный и несчастно-счастливый. “Несчастно” – другие, “счастливый” – сама» [8, т. 6, с. 257]	Несчастно-счастливый	3	На основе нетрадиционного сближения узуальных слов/сверхсловных единиц	3.9	3
4.	«Эту вещь приходится писать вглубь, – как раскопки» [8, т. 6, с. 256]	Писать вглубь	3		3.7	4
5.	«...жил-то он внутри себя, в том внутри, где доктора не бывают» [8, т. 7, с. 609]	Внутри	8	Как результат формально-семантической модификации узуальных слов/сверхсловных единиц	3.5	5
6.	«Только к Вам иду за сочувствием (СО-ЧУВСТВИЕМ: не жалостью, а лучше)» [8, т. 6, с. 255]	СО-ЧУВСТВИЕ	16		3.0	6
7.	«А молниеносный взгляд быстрее просто молнии. Две быстроты в одной» [8, т. 6, с. 58]	Две быстроты	5		2.4	7

обычно связан с использованием потенциальных возможностей, заложенных в языке. При этом окказионализмы органично вписываются в контекст, производя впечатление единственно возможной в данной ситуации лексической единицы» [9, с. 65]. Таким образом, в данном случае уместнее говорить об «эффекте новизны и неожиданности» в «разумном сочетании с эффектом узнаваемости» [там же].

Для анализа были выбраны окказионализмы, наиболее ярко отражающие специфику идиостиля М. Цветаевой. Тип данных единиц определяется по форме лежащей в их основе структурно-семантической трансформации, которая, в свою очередь, зависит от соотношения узуального и индивидуально-авторского в семантике рассматриваемых лексических единиц. Условно было выделено три типа окказионализмов, предложенных информантам для анализа: 1) окказионализмы, возникающие по узуальным структурным моделям; 2) окказиональные сочетания слов, имеющие в своей основе нетрадиционное сближение узуальных слов; 3) окказионализмы, образовавшиеся вследствие нового осмысления значения узуального слова.

Окказионализмы первого типа в силу своей уникальности наиболее свободно воспринимаются информантами: их обозначили в тексте все участники эксперимента. Эти лексемы отсутствуют в узусе, однако трудностей, связанных с декодированием текста, они не создают. Их актуальное значение формируется на основе ассоциаций с подобными узуальными моделями. Реципиенты отметили, что значение слова *прикроть* в целом определяется семантикой приставки *ПРИ-* (в ударной позиции): «дополнительная часть содержания чего-либо, прибавленная, примешанная к его изначальному составу» [10, т. 3, с. 78]. С помощью этой приставки образуются лексемы со значением «непосредственно примыкающий к чему-либо» [там же].

Для стилистической манеры Цветаевой чрезвычайно характерно присутствие в слове семантически нагруженного начала (за счет актуализации семантики начальной морфемы). В числе структурных аналогов информантами названы следующие лексемы: *примесь, привкус, прибыль, привязь, пригород, придурь, призыв, прикуп, присказка*.

Информантами верно сформулировано значение и правильно указан словообразовательный тип другой окказиональной единицы, возникшей по узуальной структурной модели. Актуальный смысл лексического новообразования *гигантскость* складывается из составляющих его значений корневой и суффиксальной морфем: «нечто, чрезвычайно большое по своим размерам, значению, глубине охвата» [10, т. 1, с. 301]; семантика существительного характеризуется также присутствием признака абстрактности, свойственного суффиксу *-ОСТЬ-*, – показателю процесса образования данного слова от прилагательного *гигантский*, узуального по своей природе (см.: «гигантский – очень большой по размерам; исключительный по силе, значению» [там же]). Принадлежность анализируемого окказионализма к определенному словообразовательному типу демонстрируют приводимые информантами структурные аналоги, закрепленные в опыте узуального употребления: *масштабность, основательность, подозрительность, массовость, индивидуальность, замкнутость, сакраментальность, пренебрежительность, благопристойность*.

Часть информантов акцентирует значимость контекста в процессе толкования смысла подобных

окказионализмов. Способность данных единиц, имеющих «узнаваемую» грамматическую оформленность, вступать в синтагматические отношения обусловлена узуальными закономерностями: существительное *прикровь* «требует» конкретизирующего свою семантику определения (*еврейская*), а существительное *гигнтскость* – дополнения с объектным значением (*шага*).

В отличие от индивидуально-авторских лексических средств первой группы (так называемых «словных», по мнению Р.Я. Тюриной), окказионализмы второго типа – это сочетания слов: окказиональность часто проявляется как «сдвиг в сочетаемости» (Л.В. Зубова). Прагматический эффект в данном случае создается путем нетрадиционного сближения узуальных слов. Так, окказиональное сочетание *несчастно-счастливая* квалифицируется большинством информантов как оксюморон, имеющий форму «композиата», образовавшегося на основе «сложения с сочинительным отношением основ» (Р.Я. Тюрина).

В сочетании *писать вглубь, – как раскопки* информантами были отмечены индивидуально-авторские (не зафиксированные в словаре) метафора и сравнение. Данный тип окказионализмов выделили 90 % опрошенных, что говорит об их «узнаваемости» в тексте и доступности в плане истолкования их значения. Актуальный смысл сочетаний определяется реципиентами ассоциативно, на основании контекста, знания языкового кода и особенностей языковой и концептуальной картины мира поэта. Приведем некоторые варианты ответов, наиболее верно, на наш взгляд, передающие значение окказионализма *несчастно-счастливая*: «несчастливая и счастливая одновременно», «несчастной ее (Асю. – А.К.) воспринимают другие, в душе же она счастлива своей жизнью», «Ася живет по другим меркам, нежели окружающие: ее восприятие ими отличается от собственного», «такой контраст – символ жизни вообще, по Цветаевой», «контрастное восприятие жизни характерно для Цветаевой».

В истолковании значения окказионализма *писать вглубь, – как раскопки* наиболее частотны следующие варианты ответов: «писать так – значит вкладывать душу», «“раскапывать” в себе душу», «раскрывать в своем творчестве душу», «творчество – раскапывание в себе души», «это муки творчества, умение искать и находить нужные слова, словотворчество», «писать истинно, с большой долей психологизма, не поверхностно», «глубоко проникать в суть явления», «находить в процессе творчества что-то новое, быть в постоянном поиске».

Как показывают варианты ответов информантов, окказионализмы второго типа выполняют прежде всего смыслоразличительную функцию, репрезентируя определенные фрагменты языковой и

концептуальной картины мира поэта (окказиональные единицы первой группы обладают, в первую очередь, образно-конкретизирующей функцией).

Окказионализмы третьего типа, выделенные информантами, возникают в результате нового подхода автора к осмыслению узуального слова. В частности, в ходе эксперимента его участниками анализировались случаи грамматической модификации узуальных лексем: первый связан с изменением частеречной характеристики узуального слова (*внутри* (наречие) – *внутри* (существительное)); второй – с преобразованием грамматической формы числа узуального слова (*быстрота* – *две быстроты*), а именно – продуцирование в контексте письма формы множественного числа от абстрактного существительного, что является отклонением от нормы.

Как показали результаты эксперимента, значение окказиональной лексемы *внутри* информанты определяют, основываясь на семантике узуального исходного слова: «внутри – наречие со значением “в пределах, в середине чего-нибудь”» [10, т. 1, с. 211]. Благодаря индивидуально-авторскому «прочтению» узуального слова расширяются его коммуникативные возможности, а окказионализм приобретает статус элемента лексической структуры эпистолярного текста, отражающего специфику картины мира автора. Показателен факт, что актуальной семой в значении окказиональной лексемы *внутри* большинство информантов назвали сему «душа»: «мир души», «духовный мир», «в глубине своей души», «в тайниках своей души» (в ответах 53 % реципиентов) и определили ее как «нечто, противоположное материальному, телесному», тому, куда доктора (как олицетворение материально-научного) «доступа не имеют». Среди вариантов трактовки значения окказионализма *внутри* встречаются также: «собственное Я», «внутренний мир».

Некоторыми информантами замечена интересная деталь: употребление автором в рамках одного минимального контекста как окказиональной лексемы, так и ее узуального аналога. Студенты объясняют этот факт как служащий более полному раскрытию авторской задачи: «данный прием усиливает общий прагматический фон высказывания», «возникают новые варианты его смысловой интерпретации». Окказионализм во многом «выигрывает» по сравнению со своим узуальным аналогом: по мнению опрошенных, он «образнее», «ярче», «экспрессивнее», обладает более богатыми возможностями в проявлении оттенков своего значения, ему присущ концептуальный смысл.

Высказанные суждения информантов совпадают с оценками компетентных исследователей. Так, Р.Я. Тюрина пишет, что грамматическая модификация «обычно нейтрального в узусе слова в совокупности с контекстом нередко не только делает экс-

прессивной эту словоформу, но и вносит изменения в ее лексическое значение» [6, с. 112].

Вышесказанное относится и к другому случаю, а именно – появлению окказионального слова путем изменения грамматической формы числа узуального слова. Структурная трансформация (формы) неизменно влечет за собой изменения в семантике слова. Все информанты в своих попытках сформулировать значение окказионализма *две быстроты* опирались на толкование его узуального аналога в форме единственного числа как «скорость, стремительность» [10, т. 1, с. 102]. В качестве индивидуально-авторской смысловой «добавки» называется признак «усиления свойства», «еще большей скорости». Прагматический эффект данного окказионального словоупотребления возрастает за счет умело подобранного автором вербального окружения: «молниеносный» (то есть «стремительный», «мгновенный» [10, т. 2, с. 287]), «быстрее» (сравнительная степень наречия «быстро»), сравнение «просто молнии».

Эпистолярная сфера коммуникации характеризуется письменной формой контакта. Следовательно, нельзя не учитывать роль графической функции, которой автор «наделяет» отдельные лексемы. 53 % информантов оказались недостаточно внимательными в этом плане и не отметили в качестве графического окказионализма лексему *СО-ЧУВСТВИЕ*. В ответах студентов, выделивших данную единицу, встречается верное суждение: «близко по значению к слову “сочувствие” (см.: “сочувствие – отзывчивое, участливое отношение к переживаниям, несчастью других” [10, т. 4, с. 68]), однако актуализируется собственная семантика приставки» («СО- – общее совместное участие в чем-либо» [10, т. 4, с. 57]). Контекст вносит определенные оттенки в значение узуальной лексемы: слово «сочувствие» является синонимом слова «жалость», тогда как *СО-ЧУВСТВИЕ* ближе по значению лексеме «сопереживание»; жалость – пассивна, сопереживание – активно (сема «действие» является актуальной для отглагольных существительных), именно поэтому в контексте письма *СО-ЧУВСТВИЕ* – «лучше жалости». В данном случае контекст делает анализируемые слова принадлежащими разным типам: узуальному и окказиональному. Их значение похоже, однако нетождественно. Актуализация собственной семантики приставки *СО-*, парадигматические текстовые связи (*СО-ЧУВСТВИЕ* – антоним слова «жалость», а узуальное «сочувствие» – синоним) придают рассматриваемой лексеме статус графического окказионализма.

С целью анализа степени прагматичности окказиональных единиц разного типа на основе показаний языкового сознания информантов была проведена вторая часть эксперимента, основанная на ис-

пользовании методики шкалирования, представляющей собой модификацию методики семантического дифференциала Г. Осгуда (см. [11]). Данная методика предполагает, что каждый информант способен давать оценку изучаемым объектам по некоторым признакам-шкалам.

Информанты должны были условно обозначить степень прагматичности окказионализмов с помощью коэффициента (по пятибалльной шкале) прагматичности. Результаты эксперимента отражены в приведенной таблице в графах «Коэффициент прагматичности» и «Место на условной шкале прагматичности». Эксперимент продемонстрировал зависимость степени прагматичности окказионализмов от их типа, обусловленного определенной формой структурно-семантической модификации, которой подвергается узуальное слово в тексте согласно авторской установке. Наиболее прагматичны, по мнению информантов, окказионализмы первого типа, образованные по структурным узуальным моделям. Окказиональные сочетания слов занимают вторую позицию на условной шкале прагматичности. Окказиональные лексические единицы третьего типа в восприятии информантов обладают меньшей степенью прагматичности. Таким образом, фактор необычности/непредсказуемости является определяющим для степени прагматичности окказиональных текстовых единиц.

Итак, рассмотрение в аспекте читательского восприятия на основе пилотажного эксперимента различных типов окказиональных лексических единиц, характерных для идиостиля М. Цветаевой, позволяет сделать следующие выводы: формальные изменения узуальных лексем в эпистолярных текстах Цветаевой согласно авторской установке неизменно влекут за собой появление новых смысловых оттенков: 1) изменения как формы, так и семантики слов осуществляются в письмах Цветаевой по узуальным моделям, поэтому «доступны» читательскому восприятию; 2) по своему характеру окказиональные образования, функционирующие в письмах М. Цветаевой, являются в высшей степени образными, экспрессивными; богатство их коммуникативного потенциала раскрывается на ассоциативной основе в разнообразных деривационных, синтагматических, парадигматических связях; 3) степень прагматичности окказионализмов зависит от их типа, специфика которого обусловлена определенными структурно-семантическими связями окказионального слова с узуальным аналогом.

Проведенное исследование выявило высокую степень прагматичности эпистолярных текстов М.И. Цветаевой. Она объясняется спецификой эпистолярной сферы коммуникации (ориентацией на конкретного адресата, субъективностью повест-

вования, возможностью авторского самовыражения и пр.), а также особенностями индивидуальной манеры М. Цветаевой. Последние проявляются на всех уровнях текста: в его структуре, семантике и прагматике (посредством образности, эмоциональности лексических средств, их ассоциативных связей). Уникальность индивидуальной речевой манеры М. Цветаевой, обусловленная спецификой ее языковой и концептуальной картины мира, создает определенные трудности для смысловой интерпретации ее эпистолярных текстов информантами. Умелое сочетание в речевой ткани произведения лексических средств разных стилей (разговорных,

просторечных, общеупотребительных, индивидуально-авторских), экспрессивных и оценочных единиц, выявление новых коммуникативных возможностей эпистолярного слова делают лексическую организацию писем поэта оригинальной.

В целом обращение к языковому сознанию носителей языка, к коллективному опыту, проверенному в речевой практике и закрепленному в сознании коммуникантов, при анализе эпистолярных текстов М. Цветаевой в коммуникативном аспекте является продуктивным и открывает значительные перспективы в их изучении.

Поступила в редакцию 29.12.2006

Литература

1. Болотнова Н.С. Основы теории текста: Пособие для учителей и студентов-филологов. Томск, 1999.
2. Блинова О.И. Языковое сознание и вопросы теории мотивации // Язык и личность: Сборник научных статей. М., 1989.
3. Ростова А.Н. Показания языкового сознания носителей диалекта как источник лексикологического исследования: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1983.
4. Иванова А.Е. Языковая компетенция испытуемых в психолингвистическом эксперименте // Язык и личность: Сборник статей. М., 1989.
5. Дридзе Т.М. Семиотический уровень как существенная характеристика реципиента // Смысловое восприятие речевого сообщения. М., 1976.
6. Тюрина Р.Я. К вопросу о морфологической форме и морфологическом значении окказионализмов в поэтических текстах Н. Гумилева и М. Цветаевой // Русский язык в современном культурном пространстве / Под ред. проф. Н.С. Болотновой. Томск, 2000.
7. Зубова Л.В. Язык поэзии М. Цветаевой. СПб., 1999.
8. Цветаева М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 6.: Письма. 800 с. Т. 7.: Письма. 848 с. М., 1995.
9. Тюрина Р.Я. Прагматика окказионализмов в лирике Н. Гумилева // Коммуникативно-прагматические аспекты слова в художественном тексте: Науч. тр. каф. совр. рус. яз. и стилистики Томского гос. пед. ун-та / Под ред. проф. Н.С. Болотновой. Томск, 2000.
10. Словарь русского языка: в 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1982–1988 (МАС).
11. Клименко А.П. Вопросы психолингвистического изучения семантики. Минск, 1970.

УДК 801.6

О.В. Орлова

К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА КАК ОБЪЕКТА ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Филиал Российского государственного университета в г. Томске

Современный человек существует в полифонии дискурсивных практик, где рекламный дискурс по объективным причинам (коммерциализация социальной реальности, колоссально возросшее влияние масс-медиа и появление новых их видов (мультимедийных, интерактивных), воцарение в общественном сознании культа потребления и многое другое) прочно занял одну из доминирующих позиций. Вследствие этого многократно усилился интерес ученых самых различных областей знания к рекламному тексту как форме коммуникации.

В то же время, при всем обилии и многообразии научной и «околонаучной» литературы о рекламе (достаточно упомянуть тот факт, что созданный

4 года назад пензенскими коллегами библиографический указатель «Реклама» уже включал в себя 488 наименований [1]), нет общепринятой дефиниции рекламного текста.

Впрочем, данный факт отнюдь не представляет нам «тормозом» на пути развития теории и практики рекламного текста: как известно, поливариативность интерпретации таких ключевых понятий языковедения, как, например, *слово* или *лексическое значение*, не только не помешало, а скорее, стимулировало научный поиск в области лексикологии, включая лексическую семантику. Столь же неоднозначно и родовое для нашего исследования понятие *текст*. А подразумевающийся такой ситуацией